

УДК 82-1/-9

РАССКАЗЫ А.П. ЧЕХОВА О «МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ»: БЫТОВАЯ СЦЕНА И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

Абылхасова Карлыгаш Сериковна

bokayeva_k@mail.ru

Магистрант специальности «Русский язык и литература», ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – К.Б. Уразаева

Специфика поэтики А. П. Чехова обусловлена понятием *двойкой событийности* чеховского рассказа [1, с. 404]. Но, как отмечает А. Чудаков, у Чехова: «Событие не подготавливается; ни композиционно, ни другими стилистическими средствами оно не выделяется. На пути читателя нет указателя: «Внимание: событие!» [2]. В связи с пересмотром термина «маленький человек» в современной науке: с точки зрения его личностных, нравственных характеристик как стремления «избежать личной ответственности, возложив ее на кого-то или что-то внешнее» [3, 62] актуальной становится возможность уточнения понятия с точки зрения героя бытовых сюжетных рассказов Чехова. Предпринятый в статье подход основан на установлении связи терминов «маленький человек» и «двойкая событийность» и стал возможным посредством применения методик неориторического (дискурсного) и структурного анализа текста.

Настоящая статья посвящена анализу «маленького человека» – героя психологической драмы, воссозданной в бытовой сцене. Для достижения цели предпринято решение следующих задач: 1) обосновать двойкую событийность как сочетание объективности повествования и субъективности читательского восприятия; 2) обосновать понятие чеховского «маленького человека» с позиций психологической драмы в короткой бытовой сцене. Объектом изучения стали рассказы Чехова «Горе», «Размазня», «Суд». Теоретическая значимость статьи заключается в изучении психологической драмы и бытовой сцены как факторов переосмысления писателем «маленького человека». Практическая значимость заключается в способах применения методики дискурсного и структурного анализа текста в процессе изучения русской литературы.

В разные периоды изучением образа «маленького человека» занимались Д.С. Лихачев, В.М. Маркович, А.Г. Цейтлин, А.П. Кузичева, И.Н. Степанов, Г.П. Макогоненко, С.Е. Шаталов, Г.М. Фридендер. Для понимания специфики «маленького человека» Чехова необходимо обобщение результатов исследования чеховского героя. По мнению А. Чудакова, в изображении человека у Чехова такого стремления нет [2]. Изменения в психике героя в предыдущем не подготовлены. Об их причинах можно лишь догадываться по косвенным данным. В тех же редких случаях, когда последующая эволюция характера как-то подготовлена, эта подготовка тоже весьма своеобразна. Но эти детали – именно лишь намеки. Они не дают картины внутренней жизни персонажа и не служат подробной психологической мотивировке эволюции его характера. Подтверждением такого утверждения служат рассказы «Горе», «Размазня», «Суд», в которых за казалось бы обыденными бытовыми сценами скрывается глубокая психологическая драма.

Рассказ относится к малым жанрам, по этой причине в начале произведения нам даны все ориентиры повествования, необходимые для разворачивания основного события. Большую смыслоопределяющую нагрузку принимает на себя экспозиция. Начало текста автор стремится наполнить важными деталями, задающими проекцию будущих событий: это принцип номинация персонажа (антропонимы, нарицательная лексика, внешнее описание, психологическая характеристика и т. д.), детали хронотопа. В экспозиции характеризуется обстановка, в которой протекает действие, дается общее представление о героях, после чего основной текст рассказа строится на диалоге, в который автор «монтирует» реплики, представляющие замечания, оценку или описание действий героев. Так построен рассказ «Размазня»: *«На днях я пригласил к себе в кабинет гувернантку моих детей, Юлию Васильевну. Нужно было посчитаться»* [4, 40]. Фабула построена на психологическом эксперименте, который решает провести герой произведения (он же одновременно является и рассказчиком) над работающей у него гувернанткой. Анализ социоречевого и социокультурного контекста фразы *«Нужно было посчитаться»* выявляет несколько значений. В переносном значении это отрицательная коннотация: власть имущий человек ставит эксперимент над «маленьким человеком», что придает «эксперименту» уничижительный смысл. Незначительный, на первый взгляд, эпизод из быта хозяина и гувернантки превращается у Чехова рождает создает круг социальных и нравственных противоречий. Финал произведения: *«Я поглядел ей вслед и подумал: легко на этом свете быть сильным!»* [4, 25] – выражает скрытое присутствие автора, его иронию. Бессилие «маленького человека», которого мнимо сильный может «размазать» оборачивается драмой как социального, так и этического плана. Двоякая событийность реализует две точки зрения на описанную ситуацию: с позиции «сильного» рассказчика и авторской корректировки с точки зрения униженного «маленького человека».

Типология заглавия рассказа «Горе» настраивает читательское восприятие на драматические события. Здесь следует заметить, что образная система Чехова построена на внимании к социальным типам, акцентировании их имущественного положения и социального статуса в обществе. Герой рассказа *«Горе»* – *«Токарь Григорий Петров, издавна известный за великолепного мастера и в то же время за самого непутевого мужика во всей Галчинской волости, везет свою больную старуху в земскую больницу»* [5, 230]. Антиномия: «великолепный мастер» и «непутевый мужик» – пронизана типичной для писателя иронией, направляющей воображение читателя на этот контраст. Однако фабула рассказа: токарь везет свою больную старуху к врачу наталкивает на восприятие читателем двоякой событийности. Две версии расшифровки «горя» «маленького человека», когда его непутевость заслонена и вытеснена подлинным «горем» – болезнью родного человека и беззащитностью «маленького человека» перед ней. Повествование принимает характер монолога «маленького человека», который трансформируется в диалог с имплицитным читателем. Он опосредован диалогами героя с молчащей женой, с земским доктором. Погружая читателя во внутренний мир токаря и психологически создавая ситуацию сострадания и милосердия, писатель создает двоякую событийность, уничтожая сюжетом фабулу (С. Бочаров). Усиление психологической драмы создает пейзажная сцена: *«навстречу бьет резкий, холодный ветер. В воздухе, куда ни взглянешь, кружатся целые облака снежинок, так что не разберешь, идет ли снег с неба, или с земли»* [5, 230]. Бушующая стихия становится иллюстрацией и психологически детерминирует внутреннее состояние героя, его смятение и сожаление о прожитой жизни. Зрелищная и звуковая символика создает у читателя ощущение предстоящих трагических событий. Действительно, по мере развития событий параллелизм: усиление вьюги и усиление горя мастера: Матрена умирает – объясняет психологическую основу ретроспекции. Воспоминания токаря вместили описание 40 лет жизни героя, его путь от «великолепного мастера» к «никчемному мужику»: *«Вспоминает он, что Матрена лет сорок тому назад была молодой, красивой, веселой, из богатого двора. Выдали ее за него замуж потому, что польстились на его мастерство. Все данные были для хорошего житья, но беда в том, что он как напился после свадьбы,*

завалился на печку, так словно и до сих пор не просыпался. Свадьбу он помнит, а что было после свадьбы – хоть убей, ничего не помнит, кроме разве того, что пил, лежал, дрался. Так и пропали сорок лет» [5, 233].

Сбившись с пути, «маленький человек», охваченный горем и воспоминаниями, теряется во времени и пространстве и засыпает. И тут горе накрывает его с новой силой: пришедшему в себя Григорию сообщают, что он отморозил конечности и что жизнь его подходит к концу. Переключение писателем философских рассуждений токаря в мысли о бытовых делах, которые кажутся ему такими важными перед лицом смерти: необходимо отдать чужую лошадь, похоронить старуху – меняют не только стиль повествования, снижая драматический накал событий. Писатель реабилитирует «непутевого» героя, раскрывая в его прагматизме привычку к жизни как судьбу и силу человека. Вступающее в силу авторское резюме: «за пьянством, драками и нуждой не чувствовалась жизнь» и даже горе «Не успело еще начаться..., как уж готова развязка» [5, 233] – судьба «маленького человека» обусловлена как драма, сочетающая коллизии житейские с этическим выбором человека и его прозрением перед лицом смерти.

Для заглавия рассматриваемого нами рассказа Чехов выбрал слово «суд». Семантика заглавия провоцирует читателя на ассоциации, связанные с виной, преступлением и наказанием. В «Толковом словаре русского языка Ушакова», слово «суд» определено следующим образом: «Мнение, суждение, заключение (книжн.). отдать на суд кому-чему-н. или чей-н. (дать возможность кому-чему-н. высказать свое отношение)» [7]. Фабула рассказа оправдывает ожидания читателя: лавочник Кузьма Егоров подозревает сына в краже денег и созывает знакомых – лиц разных профессий и положений, уважаемых в обществе, чтобы вместе с ними судить предполагаемого преступника, а при необходимости и учинить над ним расправу. Но множественность коннотаций слова «суд» подразумевает и поиск справедливости. Противостояние фабулы и сюжета как источник чеховской двойкой событийности содержит новый поворот в решении темы «маленького человека». Исход суда предрешен, он еще не начался, а под окнами уже «толпится народ, пришедший посмотреть, как Кузьма Егоров своего сына пороть будет» [6, 26]. На эволюцию объективного повествования в субъективное влияние оказывает подтекст. В экспозиции для внимательного читателя деталь: «В воздухе, на лицах, в пении комаров тоска» [6, 26] – вводит концепт русской литературы. Тоска – один из факторов, который делает людей «маленькими», не только в их социальном положении, но и духовно.

Сюжетное строение рассказа обусловлено возможностью для каждого из участников суда высказать отношение. Очевидная для автора связь между высказыванием персонажа и его социальным положением оборачивается иронией автора и переосмыслением читателем. Так, дьячок Феофан Манафуилов мягок с «подсудимым», кажется, сочувствует ему, старается добиться некоей исповеди: «Вы, Серапион Косьмич, будьте откровенны, – говорит дьячок. – Ведь мы вас для чего это спрашиваем? Мы вас убедить желаем, на путь наставить благой... Папашенька ваш ничего вам, кроме пользы вашей... И нас вот попросил... Вы откровенно... Кто не грешен?» [6, 27]. И это неудивительно, к такому «милосердному» и отпускающему грех поведению персонажа обязывает его духовный сан и буквально усвоенные им догмы. Вместе с тем, опять по причине привычки, несмотря на свое сочувствие, он просит героя признать вину, то есть допускает сомнения в том, что Серапион виновен. В это же время жандарм давит на Серапиона и «кричит пронзительным голосом: Ты кто таков? Ты что же это? Почему так? А? Что же это значит? Почему не отвечаешь? Неповиновение? Чужие деньги брать? Молчать! Отвечай! Говори! Отвечай!». Речь жандарма отрывиста, главная его цель – запугать, задавить подсудимого авторитетом, он не ищет справедливости. Серапион пускается в пространные нравственно-философские рассуждения: «Словами, папаша, в девятнадцатом столетии ничего не возьмешь, потому что теория, как вам самим безызвестно, без практики существовать не может» [6, 27]. Читателю кажется, что он не защищается лишь из-за того, что исход дела предрешен. Однако автор разоблачает героя одной фразой: «Денег ваших я никогда у вас не брал, а ежели брал

когда-нибудь, то по надобности...» [6, 27]. Определенный цинизм в признании героя обусловлено давлением на него со стороны «судей».

Новый аспект «маленького человека» создает иронический пародийный дискурс, смещая его с портретов судей на Егорова-младшего. Двойкая событийность разрешается в финальной сцене рассказа. Серапион, снеся «терзания» без единого звука, покидает комнату, где проводилось «заседание», с гордо поднятой головой. Этим завершалось повествование в первой редакции, но позднее Чехов добавил еще одну деталь: даже после ухода многострадального молодого человека жандарм Fortunатов еще долго ходил по двору «красный, выпуча глаза» и говорил «Еще! Еще! Так его!», что снизило героический пафос поступка. Внимание читателя было отвлечено и далее, вспоминая реплики, действия и жесты сына лавочника, он мог убедиться в том, что Егоров-младший едва ли был достоин восхищения. Он ведь даже для себя не решил, чего он пытается добиться. Каждый раз, меняя тактику, молодой человек силится то доказать, что деньги он не крал, то привести аргументы, оправдывающие то, что он их взял. У писателя человек мал как внешне, по своему социальному статусу, положению в обществе, так и внутренне, по причине скудости внутреннего мира, низости переживаемых им душевных терзаний.

Таким образом, специфика чеховской трактовки «маленького человека» заключается в синтезе социального и этического начал как факторов, объясняющих его «малость» ленью, страхом, отсутствием достоинства. Однако вариация типов «маленького человека» критериально дифференцирована способностью к осознанию своей малости, раскаянию и прозрению, а значит – очищению, и самодовольством, с другой. Двойкая событийность конструируется созданием социально-бытового фона и психологизмом, проявившимся в мастерстве детали, символики, что становится фактором трансформации объективного повествования в субъективный текст как результат осмысления читателем. Способ описания внутреннего мира героя основан на его рефлексии.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 506 с.
2. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. [Эл. ресурс]: [<http://maxima-library.org/knigi/genre/b/413342?format=read>] (дата обращения: 10.03.2020)]
3. Жучкова А.В. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «маленького человека» в русской литературе XIX века. // Филология и человек. Издательство Алтайского университета. 2016. № 1. – С. 51-62.
4. Чехов А. П. Размазня. – Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 40-43 с.
5. Чехов А. П. Горе. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974-1982. Т. 4. [Рассказы, юморески], 1885-1886. – М.: Наука, 1976. – С. 230-234.
6. Чехов А. П. Суд. – Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 40-43.
7. Толковый словарь русского языка Ушакова. [Эл.ресурс]: [<https://slovar.cc/rus/ushakov/457337.html>] (дата обращения: 01.04.2020)]